

"Как многое переплелось вокруг тебя..."

Помнишь, у меня в детстве была хорошая книжка (сколько их было, хороших)?

Василий Аксенов. "Мой дедушка — памятник". Я не о таком тебе сегодня, чуть патинированном юбиляре. Не о всем известном, многими любимом, кого-то и по сей день раздражающим как кость в горле, я о моем собственном. Единственном. Папе.

Как ты сумел мне внушить с детства и навсегда — чувство защищенности.

В моей школе ты побывал лишь однажды — мне порвала — несправедливо, за случайную кляксу, тетрадку училка... Помню ее, стоящую перед тобой, не повысившим голоса, высокую, выше тебя ростом, и на глазах уменьшавшуюся, оплывавшую как свечка, растаявшую совсем. Ты, уходя, вынул из кармана и дал мне шариковую ручку, и никто из учителей не посмел отнять ее у меня, так я и писала ею — единственная в классе. Больше не жаловалась. Ты был слишком тяжелой артиллерией для этой советской, заскоружлой, антисемитской школы, и как мало места она занимала в моей жизни. Какой огромный мир был у нас дома — с находками в Букине и прогулками по антикварным, "Свободой", полуночными гостями и стуком маминой машинки до утра. И ровно без десяти девять утра — твоя непревзойденная точность! — ты убежал в "Вечерку". Как ты всегда много работал — говорить не мог, попадая наконец вечером домой, и как много, много, много времени дарил мне.

Даже не то, думаю, оглядываясь, что сочинял ежевечерние сказки с продолжением, а постарше вовремя, как в топку, подбрасывал книжки, обсуждал их со мной на равных (помнишь до-олгие наши поездки в десятом трамвае), таскал с собой на спектакли, в общество книголюбов, по мастерским, собирал со мной марки и монетки, не то главное. Главное, что ты никогда не мог без меня обойтись. Я всегда была тебе нужна — ежедневно, при любых обстоятельствах, в любых компаниях ты крепко, крепко держал меня за руку. Никакого пафоса, при всей твоей рафинирован-

ности самый немый стакан в винарке ты спокойно опрокидывал, подмигивая мне, как Чеширский кот. Помню, чуть ли не единственный раз я оторопела — году в 82-м, когда мы не знали еще слова "бомж", жутковатый хмырь выпрыгнул с воплем "Женя!!!" к тебе из мусорника. Вы обнялись. Это был Коля Новиков. Или старая фотография (где она?), на которой вы с Андреем Битовым среди уличных мальчишек в кучах отбросов на Привозной. Залихватский берет. Ранний Маяковский, которого читал мне нараспев (видишь, как изменилась жизнь — ты совсем перестал читать мне стихи), и стертый под креслом паркет — ты же мысленно наматываешь километры по полю, смотря футбол! Лекарства навсегда — аспирин и зеленка. Кофе покрепче, еще кофе, сбить давление, и еще кофе. Красивая, такая красивая мама. Наши с тобой пятьдесят грамм 9 мая, после кладбища. Розыгрыши, поддразнивания, сведение к шутке, к парадоксу — и никогда никакого занудства, менторства, никогда никакой фальши. Если не мог что-то объяснить, расстраивался, говорил, давай лет через десять. Но не отмахивался. И не обманывал. Наверное, не по доктору Споку — подарить всю свою жизнь, без умолчаний и секретов, всегда называя вещи своими именами. Никогда не осуждать слабости, никогда не забывать, чем можно обрадовать, уметь выслушать, уметь услышать. Познакомить, поделиться друзьями — как многое переплелось вокруг тебя, как многих подарил и даришь ты мне до сих пор.

Я так люблю тебя, папа, я так люблю вас обоих. Что бы ни было в моей жизни, нет для меня более мощной силы, чем твоя неспортивная фигурка в потертом пиджаке. С твоей мнительностью и страхами из-за пустяков, часто детской просто наивностью во всем, что связано с бытом и твоей железной волей в действительно трудные минуты. Ну их к черту, эти трудные минуты, нам их хватило с лихвой. Я хочу весну, я хочу скорее выйти с тобой гулять нашими улицами, я так люблю, когда ты хохочешь и улыбаешься девушкам, я все еще надеюсь стать на тебя похожей. Всегда торопиться, никогда не скучать, влюбляться. Проснуться с блестящей идеей и немедленно запустить ее в жизнь. И смеяться. Как умеешь только ты — до слез.

Не оставляйте стараний, маэстро...

